

УДК 94(5-191.2):327

**К ВОПРОСУ О ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКЕ
В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ В СЕРЕДИНЕ XIX в.**

В.В. Панков

Анализируется внутренняя политика Российской империи в Центральной Азии, в частности – реализация геополитических интересов и политической ситуации в контексте взаимодействия мировых лидеров.

Ключевые слова: государственность; государство; Кокандское ханство; геополитические интересы; Российская империя; колониальная политика; переселенческая политика.

**ON THE QUESTION OF THE POLITICAL SITUATION IN THE CENTRAL ASIAN REGION
IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY**

V.V. Pankov

This article analyzes the domestic policy of the Russian Empire in Central Asia, in particular in the implementation of geopolitical interests and political situation in the context of the interaction between world leaders.

Keywords: statehood; the state; the Kokand Khanate; geopolitical interests; the Russian Empire; the colonial policy; the immigration policy.

Обсуждая тему Кыргызстана в составе Коканда и Российской империи с XVII в. по 1917 г., мы сталкиваемся с неоднозначными, зачастую оппозиционными, мнениями современных историков.

Одним из важных вопросов этого раздела истории Кыргызстана является мнение, что Кокандское ханство – это форма кыргызской государственности, которое, наряду с другими народами, создали южные кыргызы. Сразу оговоримся, так как этот факт имеет далеко идущие последствия уже на стадии изначального расположения обстоятельств – даже в однозначно эпатажной трактовке наиболее тенденциозно настроенных отечественных историков среди многочисленных этнических групп упоминается только часть кыргызов – а именно, некоторая часть родов, проживающих в южных областях.

Заслуживает внимания точка зрения А. Бедельбаева¹, который считает, что такие гипотезы, пред-

положения стали выдвигать только в годы независимости, только отдельные наши ученые, и только в отдельных, откровенно конъюнктурных работах, считали, что это – полиэтничное государство, и кыргызы, казахи, узбеки создали такое государство в качестве совместного. Но между тем, отдельные кыргызы, конечно, участвовали в этом процессе, хотя бы для того, чтобы управлять присутствовавшими на территории каганата кыргызами. Однако существует неоспоримый факт процесса Кокандского завоевания южного Кыргызстана, начиная с 1760 г. Там, где завоевание прошло почти незамеченным, в последующие годы началось активное народное сопротивление, вынудившее Коканд предпринимать определенные шаги с целью сколько-нибудь эффективного управления народами и территориями. При этом народ облагался государственными налогами, характерными для захваченных Кокандом провинций, в результате чего действительно в кыргызском фольклоре сохранилось представление о гнете Коканда над кыргызским народом. Однако это была государственность, созданная в Ферганской долине по вполне политологичному сценарию дочерней государственности и отколовшаяся от Бухарского ханства. Причем, подчеркнем – не государство, а государственность, т. е. некое политическое образование государствен-

---

¹ Данная статья подготовлена по материалам программы “Точка сборки” (выпуск 5). Непосредственными участниками программы стали Аскар Бедельбаев – историк, Эмиль Джумабаев – телеведущий, Виталий Панков – историк, политолог. Ввиду этого данная статья представляет собой изложение своеобразного обмена мнениями участников.

ного типа, но не государство с присущей ему формой геополитической дислокации на местности, а значит, высокой степени прозрачности в глазах геополитических соседей. На основании всего этого А. Бедельбаев не согласен с мнением коллег, считающих, что данный феномен можно рассматривать как некое государство, и уж тем более – как истоки кыргызской государственности.

Еще один не менее болезненный вопрос заключается в том, что кыргызский этнос в настоящее время разделен на южан и северян, и это не просто региональное разделение, а цивилизационное разделение: южные кыргызы – это часть земледельческих культур Центральной Азии, а северные кыргызы – это часть кочевого мира.

А это вопрос о цивилизационном разделении севера и юга страны, соответственно, Кокандское ханство не представляло из себя собственно государства в чистом виде в современном, политологическом смысле этого слова, это довольно рыхлое образование. Естественно, учитывая большое количество родов, специфику ведения хозяйства, мы, конечно, должны учитывать и саму цивилизационную основу этого процесса. Так, в частности, крепости ставились в Чуйской и Иссык-Кульской долинах прежде всего потому, что здесь был высокий процент оседлого населения, для которого идеи, пропагандируемые Кокандом, были понятны в силу цивилизационной схожести. Формирование систем укрепленных пунктов (так называемых крепостей) выглядит весьма разумно: вхождение северного Кыргызстана в состав Коканда достаточно условно и укрепленная ставка призвана выполнять двойную функцию:

а) место сбора материальных ценностей, в том числе поступающих от оседлой части населения в качестве налогов;

б) защиту от труднопредсказуемых в области политической активности кочевников (причем, не только защиту кокандского гарнизона, но и предоставление убежища местному оседлому населению в период набега номадов).

А. Бедельбаев справедливо отмечает, что это было рационально: вхождение Северного Кыргызстана в состав Коканда достаточно формально. (На картах (китайских) XIX в. зарегистрировано официально, что, грубо говоря, Кокандско-китайская граница проходит “где-то здесь”). И дальше на карте изображена полоса шириной буквально в сантиметр, не учитывая масштаб карты. (т. е. для сторон фактическая граница представлялась более чем туманно! – В.П.).

А. Бедельбаев справедливо отмечает: что касается кочевых культур, они вряд ли бы под-

держивали бы политику Коканда. Изначально, по отношению к кочевой цивилизации, любое государственное или прогосударственное объединение – это агрессивная среда. Она принуждает к совершенно нетрадиционной форме ведения хозяйства, к нетрадиционной ментальности. Более того, это разделение пролегает еще глубже, проникая в сферу материальной культуры, духовной культуры, религии. Для кочевника домонотеистические культы ближе и понятней, отождествление сил природы с богами и духовными сущностями гораздо естественнее для мировосприятия, существующего в среде естественной, т. е., природной. Монотеизм же – это изначально урбанистическая среда, далекая от восприятия природы как живой силы. Отсюда, например, проистекают современные попытки реставрации тенгрианства как неоязыческого движения. Интерес к этому связан с сохранением ментальности кочевой культуры.

Безусловно, Кокандское ханство на какой-то период все-таки объединило всех кыргызов в одном государстве. Каково было отношение к этому населения – это один из наиболее спорных вопросов. По мнению Э. Джумабаева, тезис о постоянной государственности, начиная еще с енисейского периода, спекулятивен. Он говорит, что были целые огромные безгосударственные периоды. Были какие-то протогосударственные объединения – (и то – к этому необходимо относиться с большой осторожностью) – Мухаммад-кыргыз, Кубат-бий и т. д. Но государственности в том, политически адекватном смысле слова, не было. И Коканд был не формой кыргызской государственности, это была структура, которая хоть чуть-чуть способствовала консолидации кыргызов (“По крайней мере, появился общий враг”, – Э. Джумабаев.)

Безусловно, мы можем согласиться с мнением Э. Джумабаева. Дело в том, что территория современного Кыргызстана (назовем это так), исторически, если и входила в состав государств, то только на правах провинции. Следовательно, к самому институту государства как форме объединения отношение могло исторически формироваться негативное. Коканд – это едва ли не уникум в этой связи. Кокандское ханство, как бы там ни было, какой бы Пишпек не был провинциальной крепостью, тем не менее, это некое политическое объединение, централизованное на основе тюркской культуры, даже тюркско-исламской. (Кроме того, необходимо помнить о том, что прежде, чем сюда, в Центральную Азию, с севера пришли интересы России, а с юга – Британии, именно Коканд оказался той формой политической организации, которая противостояла движению интересов с востока,

например, империи Цинь. Не будь у нас на территории Кыргызстана Кокандских крепостей, кто знает, может быть, мы сейчас говорили бы на китайском языке. – В.П.).

С подобной точкой зрения трудно не согласиться. Стоит только представить себе политическую карту той эпохи. Свободное от политического контроля.

Могущественная доминанта Циньской империи, сформировавшаяся в районе до появления куда более весомых игроков, начала играть роль третьей, принимаемой в расчет, но не весомой политической силы. Достаточно напомнить, что сам Китай на тот момент делился Российской и Британской империей на зоны влияния.

А. Бедельбаев, однако, считает, что в религиозном отношении, а его на тот момент можно приравнять к идеологической платформе, в рассматриваемый период все – и южане, и северяне уже были мусульманами, и ислам был сильно распространен как на юге, так и на севере в равной степени, начиная с X в. Но именно с момента присоединения, вхождения в состав Кокандского ханства, ислам на севере Кыргызстана стал распространяться гораздо активнее, на этих территориях открывались мечтебы, мечети, медресе.

Тем не менее, в исторических источниках упоминается, что еще в XVI–XVII вв. кыргызы называются либо немусульманами – “кафирами”, либо “ни кафирами, ни мусульманами”. Процесс исламизации среди кыргызов еще в XIX в. шел медленно, о чем свидетельствуют сочинения русских исследователей и путешественников. М.И. Венюков, Г.Е. Грум-Гржимайло в 1860–80-е гг. сообщают о том, что кыргызы вспоминают о мусульманских обрядах только при посещении местного аула ходжой в праздник Рамазана [1, с. 267–268].

Также есть еще один интересный нюанс. Дело в том, что до Коканда, на территории, которая сейчас представляет нашу республику, успешно процветали и сочетали черты друг друга, различные религиозные течения. С VII–VIII вв. – буддизм. В более ранние периоды здесь распространены зороастризм, маздеизм, манихейство, некоторые направления христианства, такие как несторианство. Религиозная консолидация в рамках Кокандского ханства, возможно, играла в целом позитивную роль. В большей или меньшей степени в отсутствие государственного аппарата было невозможно создать государственного типа идеологию. Соответственно, ее место в ментальности должна занимать или религия, что является более простым путем, или все это превращается во всеобщий нигилизм, хаос и экстремизм.

Очевидно, что в середине XIX столетия кыргызы встали перед геополитическим выбором, который очень напоминает коллизии XX в. и, к сожалению, уже XXI в. Условно говоря, кыргызы как этническая группа стоят перед четырьмя геополитическими проектами. С одной стороны – Циньский Китай, обобщенно скажем – дальний Восток. Во-вторых, Кокандское ханство (исламский мир). В-третьих, надвигающаяся когда-то с юга Британская империя, место которой в XX–XXI вв. успешно заняли США. С севера – Российская империя.

Кыргызы выбрали Россию. Сегодня данный факт рассматривается вне контекста, порождая массу точек зрения. И здесь, кстати, пролегает этот самый цивилизационный, на взгляд Э. Джумабаева, рубеж, коллизия, которая повторилась позже, в гражданскую войну, поскольку северные кыргызы, начиная с бугу, с Боромбая, действительно приняли подданство России добровольно, южные кыргызы, видимо, чувствуя большую близость к Коканду, сопротивлялись. Потому что были и походы, и карательные экспедиции (например, Скобелева и т. д.). Хотя о характере этих экспедиций можно поговорить отдельно – в глазах царской ставки далеко на севере они выглядели весьма миниатюрно: только что закончилась взятие русскими войсками Парижа война с Наполеоном, Россия громит Турцию в череде Балаканских войн, в самой стране разворачивается индустриальная революция, отменено крепостное право, и в это время Скобелев, призванный контролировать весь регион, во главе отряда из двух стрелковых рот и картографа на 4 дня (!) уходит на Алай, явно для демаркации новой Российско-Британской границы, по каратегии между делом, совершая... карательную экспедицию. Та же коллизия повторилась и в гражданскую войну, потому что север признал советскую власть сразу, а на юге был ферганский басмаческий фронт.

Но здесь возникает большой вопрос – а был ли Кыргызстан колонией Российской империи? Или все-таки мы не должны использовать западные политологические термины? Э. Джумабаев полагает, что сама Российская империя, как тип государства, не походила на колониальную Британскую империю. На его взгляд, Российская империя в этом смысле походила больше на классические державы древности. И присоединенные территории были не колониями в западноевропейском, новоевропейском смысле слова, а провинциями, как в Риме.

На наш взгляд, стоит согласиться с этой позицией. Во-первых, термин “колониализм” гораздо более многогранен. Термин “колониализм” действительно к Российской империи, на мой взгляд, совершенно не подходит. Первое, что подтверж-

дает ситуацию – это фактор гражданственности. Если, допустим, для Британии всегда стояла четкая грань между собственно метрополией и колониями, а соответственно, жителями, то в России, в первую очередь, вновь присоединенное население награждалось подданством, а соответствующие, в нашем случае феодальные верхушки, получали адекватные титулы, в том числе и военные звания. Иногда даже на более льготных основаниях, нежели собственно этнические русские.

В частности, как манапы стали полковниками? Ответ, на самом деле, очень простой. Исходили из количества людей рода, которым руководил тот или иной манап или бий, и если это количество было эквивалентно количеству солдат в строевом полку Российской империи тогдашней эпохи, то титул полковника был гарантирован. Во-вторых, все-таки колониализм предполагает, прежде всего, экономическую подоплеку. Оказывается, присоединение центральноазиатского региона (какую роль в нем играл конкретно Кыргызстан, сейчас сказать достаточно трудно) экономически стало рентабельно в 1904 г., т. е. до этого времени, это по сути 40 лет, российское руководство вкладывало инвестиции в потенциальную “колонию”. Ни одна империя так не поступала. Ну и третий момент. Колониализм предполагает военные захваты. В отношении юга нашей республики, возможно, было применение каких-то силовых методов. Но если мы посмотрим на их реальные масштабы, отвлечемся от учебников, где на фоне сплошных эмоций, активно используется терминология типа “патриотизм”, “угнетение народа”, “борьба за независимость” и подобная полемика, честно говоря, военных действий мы не увидим. Напомним: знаменитый поход генерала Скобелева на Алай состоялся при поддержке двух стрелковых рот, 74 кавалеристов и сопровождали генерала 493 человека. Он был 494-ым [2].

Другими словам, эта экспедиция, в которой половину отряда составил гарнизон трех крепостей, который, в сущности, поставили через 2 месяца после появления аналогичных британских воинских подразделений по ту сторону этой же границы. Военные действия на Алае – это разведывательные действия. И, честно говоря, если бы уже сравнивать основательно, то в том же индийском походе принимало участие при Александре II около 80000 человек. При всем том, что он носил характер буквально устрашающей акции, а никак собственно не военного мероприятия.

Очевидно, что Коканд оказался разыгрываемой картой между Россией и Британией. И, в сущности, продвижение России на юг во многом было

ускорено в связи с действиями британцев. Также очевидна слабая заинтересованность во влиянии в Центральной Азии:

- Занятость войной с Наполеоном в начале XIX в.
- Крымские войны.
- Войны с Турцией.
- Противостояние с Англией.
- Активизация Китая, который почувствовал слабость Коканда.
- Проблема земли, переселенческий вопрос.
- Очевидно низкая рентабельность региона.

После вхождения Кыргызстан впервые были подсчитаны земельные ресурсы. И общая сложность по трем основным уездам земли составляла 113 млн десятин. В конце XIX в., в последние годы – года за 2 до начала XX в., за славянским населением было закреплено 3 млн десятин из 113 [3]. Дело в том, что до вхождения в состав собственно России, до массовых миграций и массового стимулирования к оседлому земледелию и до переселения дунган сюда, и по сути, до формирования каких-то более менее серьезных очагов оседлых культур количество пахотных десятин оценивалось в четверть от последующего числа.

Однако именно земельный вопрос, по мнению некоторых ученых, является главной причиной конфликтов, в частности восстания 1916 г. В северной части Кыргызстана было много русских, поскольку там уже основное население вело оседлый образ жизни. А здесь в основном плодородные земли – даже если посмотреть по названиям сел, начиная от Мерке и кончая Караколом – вокруг, и Кочкор (бывшее название – Столыпин) – вот эти плодородные земли были заселены русско-украинскими переселенцами. Первые переселенцы – в 1867 г. (на самом деле – в 1780 г. – В.П.) – это в основном казаки, русские казаки” [4]. Они являлись опорой переселенческой политики. А за ними, уже после отмены крепостного права, на эти земли начали переселяться бедные крестьяне, особенно после голода 1890 г. Территории, действительно, хватало на всех, в том числе желающих ее обрабатывать. Однако уже тогда наметилось расслоение общества. Условно его можно представить себе как вычленение трех секторов:

- Полиэтническое (а, соответственно, поликультурное) оседлое земледельческое население, активно обживающее ранее пустовавшие земли – так весь север Чуйской долины представлял собой заболоченные поймы р. Чу, и снятие первых урожаев было возможным только после осуществления серьезных ирригационно-дренажных работ.

- Моноэтническая среда, сохранившая традиционный уклад гораздо менее рентабельного, но привольного кочевого образа жизни – территориально позиционирующееся в предгорьях.
- Многочисленные, погнавшиеся за рентабельностью, но не имеющие ни образования, ни навыков, ни привычки к ведению оседлого хозяйства, персонажи, мгновенно сформировавшие вокруг оседлых центров маргинальную среду с присущей ей амбициозностью и агрессивностью. Именно они и стали основой будущей политической авантюры.

Подводя итоги, думаю, было бы уместным привести цитату Эмиля Джумабаева, который полагает, что “трагедия малых народов – большой философский вопрос исторический. Поэтому давайте объективно посмотрим, без всяких эмоций. Кыргызы, наверное, не смогли бы создать собственную и при этом эффективную государствен-

ность в тот период, т. е. на протяжении длинного XIX столетия, и остаться независимыми. Если не Россия, то Британия. Если не Британия, то Китай. Если не Китай, то Афганистан. Кто-нибудь был бы. К сожалению, это правда, повторяюсь еще раз, – в этом есть трагедия истории. Я считаю, что при всех возможных издержках вхождение в состав Российской империи определило судьбу кыргызов, в том числе и на будущее”.

Литература

1. *Абрамзон С.М.* Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи / С.М. Абрамзон. Л.: Наука, 1971.
2. Архив Министерства обороны КР.
3. *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX в. / А.А. Корнилов. М., 1993.
4. *Бедельбаев А.* Точка сборки / А. Бедельбаев. № 5. Ноябрь, 2015.